

Вычёркивания из К.Д. Ушинского

Виктор ЧУМАКОВ, писатель и историк

Если с усечениями текста или искажениями орфографии издаются по сей день Н.В. Гоголь и А.С. Пушкин, то вмешательство с 1918 года редакторских ножниц в тексты нашего великого педагога К.Д. Ушинского, возможно, представляется современному читателю как нечто малозначащее. Увы. Привыкли за долгие годы существования Главлита — столпа всесильной советской цензуры. Привыкли, что нещадно кромсали по живому и у Михаила Шолохова, и у Эрнеста Хемингуэя, и у абсолютно всех, кто не играл по их правилам или не знал их прихоти.

И вот спустя 140 лет со времени первых публикаций сличаем тексты четырёх статей К.Д. Ушинского в Журнале Министерства Народного Просвещения (далее — Журнал) с напечатанными в 1988 году в шеститомнике «Педагогические Сочинения К.Д. Ушинского», под ред. М.И. Кондакова (М.: Педагогика).

Начинаем с работы «О нравственном элементе в русском воспитании». В Журнале Министерства Народного Просвещения (№ 11–12, 1860) статья занимает в двух номерах 63 полосы по 34 строки в каждой. Удалено же, вырезано, отброшено с глаз долой 16 страниц плюс 25 строк в разных местах. То есть было 63 страницы, а осталось чуть больше 46. Вот так они работали, уверенные, что вряд ли кому придёт в голову обращаться к текстам середины XIX века.

Ушинский пишет, и это редактор Кондаков разрешает напечатать: «Нравственное чувство живёт в каждом из нас точно также, как и чувство личности, эгоизма. Оба эти чувства в виде микроскопических зародышей рождаются вместе с человеком. Но тогда как первое, то есть нравственное чувство, благороднейшее и нежнейшее растение души человеческой требует большого ухода и присмотра, чтобы вырасти и окрепнуть, другое, как всякий бурьян, не требует для своего преуспения ни ухода, ни присмотра и скоро подавляет все лучшие нежнейшие растения».

А далее читаем удалённое редактором.

«Сам божественный Сердцеведец нашёл ненужным заботиться о возрасте того чувства: никто и без того из собственного побуждения не подавляет своей живучей охоты, этого источника всякого эгоизма; но *питает и греет ю* (т.е. его)» (курс. К.У.).

Какая глубокая мысль! Но она осталась лежать на полках книгохранилищ.

Далее Ушинский развивает идею о влиянии центров промышленной деятельности, железных дорог и вообще цивилизации на патриархальную нравственность, которая не выдерживает этого столкновения, «поедается ею, как вековые леса пожираются пламенем пожара». Он подробно анализирует и прогнозирует судьбы разных народов мира, стоящих на пороге цивилизации. Всё это выброшено, хотя судьбы многих стран он предсказал точно. Не буду перепечатывать все четыре страницы, хотя они интересны и, думаю, дождутся своего издателя, а приведу лишь маленький отрывок.

«Таков наш взгляд на необходимость цивилизации для всякого исторического народа и если прогресс цивилизации имеет свои опасности, как всякий жизненный процесс, какие имеет и неизбежный рост дитяти и развитие юноши, то, с другой стороны, в этих опасностях есть жизнь, есть возможность успеха, оборота к лучшему, тогда как в разложении трупа в современной жизни Китая опасности и волнений ещё больше и нет никакой будущности: опасности и волнения, без толку, без цели, без надежды отрадного исхода. Византия, на которую Пётр Великий указывал с таким справедливым ужасом

тупым противникам европейской цивилизации, гнила более тысячи лет, пока *дождалась турок* (курс. В.Ч.); Китай гниёт вот уже несколько тысячелетий, и, несмотря на свой отличный внешний порядок, несмотря на свои сотни миллионов населения, на свои природные богатства, на своё раннее образование, на умственные способности своих жителей, не может отделаться от горсти англичан: так умирающий гигант не может приподнять руки, чтобы согнать муху, приносящую ему несносную боль. Вот, по нашим убеждениям, к чему ведёт остановка развития».

Как бы услышав критику Ушинского, Гигант через 50–60 лет начал просыпаться. У него появились лидеры-пассионарии: маршал Чан Кайши (1887–1975) и великий кормчий Мао Цзедун (1893–1976), а через 140 лет мы уже видим Китай великой космической и ядерной державой.

А какова прозорливость Педагога по отношению к Турции! Может быть, он был тогда среди очень немногих, кто не смотрел на это государство свысока. И оказался прав. В его времена в нашей северной Пальмире строили-то всё итальянцы, а сейчас в Москве, и не только в ней, всё турки да турки возводят. И оказывается, что на отдых выгоднее и привлекательнее съездить к ним в Анталию, а не в бывший наш Крым или в родные Сочи. И наконец, третье место футбольной команды Турции в Кубке Мира говорит само за себя.

Словом, очевидно, что главлитовский редактор не желает показать читателям Ушинского-философа и Ушинского-политолога.

Читая выброшенные места, убеждаешься, что педагог проявил себя и как глашатай Эпохи Великих реформ Александра II. Он ярко и горячо выступает за резкое увеличение количества школ в условиях,

«когда грамотность, потребность которой выказывается всё сильнее, грозит сойтись с подонками нашей литературы; когда сам народ обществами трезвости высказывает потребность нравственного преобразования — должно наконец серьёзно подумать об устройстве *русской народной школы*.

Теперь только стала она возможною и в то же время сделалась необходимою. Теперь это уже не преждевременная прихоть, не страсть к подражанию, не роскошь и даже не просто хорошее богоугодное дело, но насущный, жизненный вопрос, настоятельно требующий разрешения, и от разрешения которого, более или менее удачного, зависит правильный *исход всех прочих реформ, начатых или предполагаемых в настоящее время*. В решении столь важного общественного вопроса должны принять участие и литература, и всё общество, потому что в деле общественного воспитания общественное мнение всегда будет играть важную роль, но главными участниками в практическом разрешении этого вопроса явятся, без сомнения, с одной стороны, церковь, с другой — всё наше учебное и учёное среднее сословие — представители духовного и представители светского образования. По коренному принципу христианской религии духовный пастырь должен быть не только служителем алтаря, не только проповедником слова Божия, но и наставником и учителем. <...> Педагогическая деятельность не только не противоречит характеру деятельности священно-служительской, но является самым необходимым её дополнением. Может ли быть для служителя алтаря и проповедника слова Божия какая-нибудь деятельность приличнее воспитания молодых поколений? Какое общество может быть приличнее для проповедника религии Спасителя, как не общество детей, которыми так любил себя окружать Богочеловек и заботу о которых Он так строго заповедовал своим ученикам. <...>

Дело не в том, кто — духовное или светское лицо — должен заведовать народною школою; но в том, чтобы заведующий народною школою был истинный христианский воспитатель, истинный педагог по призванию, по цели, по знаниям и искусству; простая добросовестность должна удерживать каждого из нас от возложения на себя обязанностей, искусство исполнения которых нам чуждо. <...> Но если необходимо, чтобы ду-

ховные лица, посвящающие себя воспитательной деятельности, были хорошими педагогами, то, с другой стороны, необходимо также, чтобы светские лица, принимающиеся за воспитание, особенно простого народа, были не только хорошие педагоги, но и истинные христиане по своим стремлениям и убеждениям, насколько убеждения человека доступны взору других людей. Как только мы захотим отделить непреходимую гранью преподавание Закона Божия от преподавания других предметов, то хотя преподавание других предметов и останется, *но воспитание исчезнет. Современная педагогика исключительно выросла на христианской почве и для нас нехристианская педагогика есть вещь немыслимая — безголовый урод и деятельность без цели, предприятие без побуждения позади и без результатов впереди».*

Простите. Как видите, и мне приходится опускать часть текста Учителя, но это делается скрепя сердце, поскольку очень длинное цитирование считается в журнальной статье неприличным. И скажите, пожалуйста, нужны ли здесь мои или чьи-либо ещё комментарии, когда хоронится Святое и история Родины? И всё же замечу. Ни в коем случае не следует думать, что Ушинский противопоставляет христианство, скажем, магометанству или буддизму. И это огромная тема, о которой быстренько не скажешь. Однако, бросая стрелы критики в католицизм и в другие христианские конфессии, истинно православный человек Ушинский говорит:

«Но, видя все коренные недостатки протестантизма, мы не можем не сознаться, что он, по крайней мере некоторое время, соединивши церковь с школою, имел сильное влияние на возвышение уровня народной нравственности.

Православная религия величественно идёт по средней, истинной дороге; она, свято сохраняя древние формы христианства и не объявляя римских притязаний на земную власть, благословляет и освящает всякий истинный прогресс. <...>

Не забудем, что величайшие двигатели дела народного воспитания: Франке, Песталоцци, Арнольд именно в христианстве почерпали силы для своей плодотворной и энергичной деятельности, пересоздавшей воспитание Европы».

Прошлой зимой в городе Владимире я прибил к экскурсии преподавателей литературы университетов России, то есть учителей будущих учителей. Мы посетили святыне места в Суздале, Боголюбове и храм Покрова на Нерли. Побывали в добром десятке монастырей, храмов и других веками намолённых местах. Оказались пред ликами сотен бесценных икон... И никто из двадцати двух преподавателей ни разу не осенил себя крестным знаменем.

Во второй части статьи «О нравственном элементе в русском воспитании» К.Д. Ушинский просит позволения у читателей «говорить только о *семейном* воспитании нашего дворянства». Он объясняет этот выбор не только тем, что он «с этим воспитанием знакомее, чем с воспитанием других классов, но и потому, что именно из этого класса выходит несравненно большая часть лиц, на нравственное достоинство которых *преимущественно* опирается наша государственная служба, наша литература и наше общественное образование».

Что же вымарано недрогнувшей рукой в этой наполненной глубоким содержанием и яркими примерами статье? Судите сами.

«Ищите прежде всего Царствия Божия», говорит Спаситель, «и всё остальное само собою приложится вам». А что же такое Царствие Божие, как не царство веры, истины и добра?»

И почти сразу вслед за этим:

«Но разве можно обвинять высокое учение Спасителя в том, что оно не принято сердцами тех или других людей вполне или извращено лицемерами, хитросплетёнными

толкованиями?»

Не правда ли, звучит как упрёк самого Ушинского современным цензорам, которые вслед за этим взяли и вырезали:

«Да, повторим ещё раз, акт уничтожения крепостного состояния в России будет написан на страницах русской истории золотыми буквами и *составит эпоху и в истории народного воспитания.*» (курс. В.Ч.).

Зачем же выбрасывать, если великий педагог из гущи событий нам об этом доносит? Нет, выбросили, вместо того, чтобы проанализировать и сделать выводы. Напомню, что я пишу о книге, изданной не в 1937, а в 1988 году.

И ещё отрывки из вычеркнутого:

«Перечисляя прекрасные, отрадные черты в семейном воспитании нашего дворянского класса, мы, конечно, не можем пропустить той простой, тёплой религиозности, которую и теперь ещё можно встретить в большей части наших дворянских семейств, за исключением немногих, ударившихся или в модное неверие, или в гнусное ханжество. Эта религиозность редко, правда, бывает вполне сознательна, часто слишком придерживается формы, но тем не менее глубоко западает в детское сердце и иногда, пролежав в нём долго, <...> пробуждается потом вновь с необыкновенною силою. Понятно, что религия действует на ребёнка более своими формами, чем своим высоким внутренним содержанием. <...> Всякий, получивший чисто русское воспитание, непременно отыщет в душе своей глубокие, неизгладимые впечатления множества церковных песен и священнодействий, службы Великого поста и Страстной недели, встречи Светлого праздника, Рождества, Крещения и всех тех годовых церковных торжеств и служб, которые составляют эпохи в годовой жизни каждого чисто русского семейства. Чтобы понять значение этих воспоминаний, попробуйте насильно вычеркнуть их из истории вашего детства и вы увидите, как потускнеет эта светлая, отрадная история».

Вот здесь выброшено семь страниц великолепного повествования. Ушинский тепло прославляет таких воспитателей детей и юношества, как Пушкин, Тургенев, Аксаков, Гоголь и Диккенс. Очень нелестно и ярко высказывается о религиозных лицемерах, атеистах, о суевериях и идолопоклонстве.

«Но если отвратителен образ человека, который, рассказывая всем о своих строгих постах и длинных молитвах, втихомолку берёт взятки и давит своего ближнего: то разве не точно ли так же отвратителен образ человека, торгующего европейскими идеями гуманности и образования?»

И снова — не в бровь, а в глаз многим современным толстосумам и власть предержащим.

В конце этой статьи Ушинский пишет о необходимости уберечь наше воспитание от внешних реформ,

«хотя, конечно, очень многое можем и должны занять из опытов иностранной педагогики, но не должны забывать, что для младенца тогда только не вредна чужая пища, когда он, вскормленный молоком матери, уже приобрёл достаточно сил. <...> Такою родимою грудью является для нас наша народность и наша народная религия, соединяющая каждого из нас с каждым русским, хотя бы он скрывался далеко от глаз наших в самой тёмной массе народа или в самом отдалённом уголку нашей неизмеримой отчизны, — соединяющие нас с *давно отжившими и грядущими поколениями, словом, со всем тем, что одно даёт нам прочное, историческое, а не эфемерное существование*»

(курс. В.Ч.).

И как не привести здесь слова Ушинского из этой же работы:

«Всё минется — одна правда останется», говорит наш народ, выражая свою веру в историю и вечную правду божественного Провидения, правду, которую часто, как и само небо, скрывают от нас туманы, подымающиеся с нашей же земли».

А это недвусмысленное предупреждение тем, кто норовит затуманить нашу историю и в том числе историю К.Д. Ушинского и историю русской педагогики.

Следующий его труд называется «Проект учительской семинарии». Казалось бы, просто проект, проникнутый заботой о подготовке учителей, — и всё же среди 44 страниц всёбдящий советский цензор находит 9 строчек, не подлежащих чтению.

«Так, будущий приходский учитель должен приучиться к чтению Св. Писания и любить его и, не вдаваясь в высшие богословские толкования, подробно познакомиться с значением священнодействий, таинств и обрядов. Те из воспитанников, которые обладают сколько-нибудь порядочным голосом, должны быть приучены к церковному пению так, чтобы могли упражнять в нём своих будущих учеников, а вместе с тем помогать священнослужителю при совершении священнодействий».

Может быть, цензура просто боялась своей тени? А как иначе можно объяснить эту купюру? Разве нельзя представить себе наказания учителям физкультуры быть хорошими лыжниками, а учителям пения или классным руководителям знать и уметь спеть Гимн России? А многие ли из преподающих сейчас в школах разбираются в обрядах Русской Православной Церкви, в сути христианских праздников и Священного Писания?

Переходим к статье «Воскресные школы (*Письмо в провинцию*)». Меня могут спросить: «А об этом зачем?» Уверен, не будет иного выхода, ибо жуткие цифры количества беспризорных детей в нашей стране не могут не потрясать. Мы видим их во множестве шляющимися по вокзалам, моющими машины и лобовые стёкла в учебное время. Ужо, даст Бог, кончится эта и безыдейщина и безвременье, их, повзрослевших, понадобится учить и вернёмся за советом к Педагогу Ушинскому.

Из 24-страничной статьи в общей сложности повычеркнуто на полторы страницы. Например, вот это:

«Не может быть ни малейшего сомнения, что воскресные школы — одно из деятельных средств для предупреждения народного разврата и тех *пролетариатских стремлений* (курс. В.Ч.), которые не ведут, конечно, ни к чему хорошему. Задержанное развитие во всяком живом организме выражается болезнью; таков благодетельный и вместе грозный закон природы».

И комментарии здесь излишни.

В другом выброшенном из статьи месте Ушинский говорит о церкви, о священнодействии литургии, о внимании учащихся во время молебнов и тому подобное, а при этом он наставляет преподавателей использовать всё это при построении уроков.

И чтобы на Ушинского не обиделись представители иных конфессий, я беру на себя смелость разрешить им заменить в этой цитате слово *церковь* на: *мечеть, костёл, буддийский храм* или *синагога*.

Просто замолчать и сделать вид, что её не было, а речь идёт о статье «5-е Марта 1861 года», конечно, было нельзя, и её публикацию «задвинули» в «Архив Ушинского», том 4 (М., 1962), смешав с ранними работами 1846–1856 годов. Публикаторы в надежде, что их не схватят за руку, в пространный комментарий, разливая мыслью по древу и заводя рака за

камень, пишут: «Редакция нашла целесообразным не перепечатывать первую половину статьи, поскольку она является данью времени...<...> В этой второй части статьи — подлинная идейная сущность всего выступления Ушинского».

Сообщаю правду. Это передовая статья журнала № 3 за 1861 год, написанная блестящим литератором, и начинается она с первой страницы и кончается на 11-й. Выброшено: половина второй страницы, треть третьей, половина четвёртой и полностью 5-я, 6-я и 7-я страницы да часть 8-й. Всё важно, поскольку это классик и его следует знать без купюр.

В эссе дано яркое описание праздника, случившегося в Петербурге в последний день Масленицы, после оглашения в храмах Манифеста об освобождении крестьян из крепостной зависимости, подписанного 19 февраля императором Александром II.

Автор предстаёт перед нами как патриот Отчизны, как слуга своего народа, свято верящий в его светлое будущее.

«Открыть в церкви для человека источник духовного развития и нравственных убеждений — высшая цель всякой народной школы: школа учит человека не многому и не долго — церковь поддерживает и наставляет его от колыбели и до могилы; но необходимо некоторое развитие и некоторое знание, чтобы пользоваться этой поддержкою и этими наставлениями» (курс. В.Ч.).

И позвольте мне не воскрешать сейчас ничего из вымаранного. Кто-то эту работу К.Д. Ушинского, я уверен, скоро напечатает в первоизданном виде. Тогда и прочтём.